М.Е. Байдарова

Казахский Национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы

Конфуцианская традиция-цивилизация в контексте модернизации КНР

«Китай... может преподнести миру дар.
Этот дар будет счастливым соединением западного динамизма
с традиционной китайской стабильностью».
Арнольд Тойнби

Китайско-конфуцианская традиция-цивилизация, основанная на безразличии к религии как таковой с её верой, богами, мистикой и метафизикой, характеризуется необычайно строгим акцентом на социальную этику и административно регламентированное поведение. Это вполне компенсировало слабость собственно религиозной основы и обеспечивало как стабильность догматическо-конформистской структуры, так и абсолютное господство социально-политической нормы над индивидуальной волей. Всемогущество политической администрации, опиравшейся на строгий социальный порядок и беспрекословное повиновение подданных, всегда было в Китае направлено на упрочение престижа централизованной власти и детально разработанного правопорядка, под давлением которого все частные интересы и тем более индивидуальные притязания отступали на задний план.

Генеральная установка всей китайско-конфуцианской традиции – постоянная ориентация на всестороннее культивирование этики (конфуцианские добродетели), на этически детерминированное знание и умение реализовывать его на практике, наконец, на строго формализованные и подчинённые принципу патернализма взаимоотношения между людьми, представляла собой высшую ценность оптимально организованного социального бытия. Фундаментом всего этого процесса являлось как постоянное самосовершенствование человека

© Байдарова М.Е., 2014

(прежде всего призванного руководить обществом и государством мудреца), так и неустанное стремление всего социума во главе с общепризнанными его лидерами-мудрецами к достижению высшей внутренней гармонии.

Конфуцианская традиция, осуждая тенденцию к стяжательству и материальной выгоде в ущерб высокой морали и долгу, в то же время умело направляла социальную активность индивида в престижное русло воспроизводства конфуцианских принципов жизни, успешное овладение которыми гарантировало авторитет, власть и процветание. Эта ориентация, опиравшаяся на предельное напряжение способностей, старание и повседневный тяжёлый труд, в принципе оказывалась оптимальной основой для воспитания творческой активности, энергии и даже предприимчивости, т.е. тех самых качеств, которые столь нужны для частного предпринимателя. Высоко ценившаяся в Китае культура труда – как физического, так и умственного, – равно как и культ знаний и способностей, постоянного самосовершенствования и соревновательности, могли бы при других обстоятельствах сыграть свою роль в развитии страны. Косвенно об этом свидетельствуют процветание и экономические успехи так называемых *хуацяо*, тех китайских эмигрантов, которые своим трудом и способностью приспосабливаться к социально-экономическим процессам в новых для себя условиях, добились успеха и внесли существенную помощь для экономического становления своей исторической родины. Однако жёсткость имперской структуры ограничивала просторы для реализации экономических способностей и возможностей, оставляя открытым и высокопрестижным лишь путь к социально-политической активности в строгих рамках стабильной и тысячелетиями апробированной системы.

Проблема социального равенства, социальной справедливости всегда была в центре внимания конфуцианства, решавшего эту нелёгкую задачу, прежде всего с помощью генерального принципа равных возможностей, провозглашённого ещё самим Конфуцием. В основе его лежал неоспоримый в Китае идеал меритократии: система открывала путь наверх практически перед каждым, кто наиболее глубоко овладевал мудростью конфуцианства и мог лучше других доказать своё умение реализовывать эту мудрость в интересах системы. При всём этом конфуцианская структура не игнорировала отставших и непреуспевших: она гарантировала каждому достаточный минимум социальных благ при условии строгого соблюдения признанной этической нормы, сохранения порядка, беспрекословного повиновения авторитету старших. В задачу власти входило создание условий для обеспечения оптимального существования всех. Неумение справиться

с этой задачей, ставившее обычно под угрозу само существование структуры (кризис, крестьянские восстания и т.п.), могло рассматриваться достаточным основанием для свержения администрации и замены её новой, которая опять-таки будет ревностно стоять на страже незыблемости структуры.

Если китайский социум был основан на принципах осознанного долга, восходящего к консенсусу во всём том, что касается этических норм, представлений о социальной гармонии, то в сфере чувств конфуцианская традиция была ограничена. На долю неформальных связей, особенно между мужчиной и женщиной, обычно оставалось не слишком много времени. Культивируемые чувства не имели ничего общего ни с сильными страстями, ни тем более с фанатизмом. Это были хорошо организованные, строго контролируемые и в нужной форме направленные, общепризнанные для каждого случая эмоции этически грамотного и социально дисциплинированного индивида.

Так, например, традиционный китайский социум не принижал индивида в той степени, как это было характерно для ислама, где царил произвол власть имущих (пусть даже и несколько ограниченный шариатом и адатом) и где «поголовное рабство» представляло обычную норму взаимоотношений, а главным средством сделать карьеру оказывались сила и удачный случай. В Китае, где место наверху достигалось за счёт способностей, труда и знаний, положение индивида было в социальном смысле более надёжным: потенциально каждый мог рассчитывать на лучшее и каждому вполне искренне желали «три много» – много лет, богатства и сыновей. Нерелигиозная же ориентация всей жизни и деятельности индивида способствовала тому, что человек ценил жизнь и стремился достичь в ней как можно больше.

Сегодня в области духовной, идеологической жизни китайского общества в последние десятилетия произошли и продолжают происходить серьёзные изменения. Речь идёт о том, что в стране продолжается постепенный процесс возрождения культа Конфуция и связанных с ним этических норм.

Конфуцианство для китайцев – это этико-политическое и философское учение, определяющее поведение и стандарты мышления китайцев, они соразмеряют с ним свои поступки и мысли. Хотя, следует отметить, что во времена правления Мао Цзэдуна в течение трёх десятилетий в Китае существовало негативное отношение к конфуцианству. Положение резко изменилось лишь после перехода страны к «политике реформ и открытости» в 1979 году. Это было связано с распространением в кругах китайской интеллигенции идей «современного нового конфуцианства», поднявшего животрепещущие

вопросы о кризисе китайской культуры и о путях его преодоления, который виделся в возрождении национальных духовных ценностей.

После окончания культурной революции в 80-е годы XX века постепенно стало меняться и отношение официальных кругов к культурному наследию. По мнению сторонников этого направления, являясь квинтэссенцией традиционной китайской культуры, конфуцианство способно сыграть роль движущей силы модернизации Китая, стать духовной силой обновления китайского общества. Китайцы уверены, что традиционная китайская культура очень богата. В целом, конфуцианская философия призывала опираться на собственные силы, не верить в предрассудки. Она воспитывала в китайцах стремление вести решительную, непреклонную борьбу со всеми опасностями, угрожающими обществу. В этой связи возвращение современного Китая к идеологии конфуцианства стало логичным шагом. Такое возвращение к конфуцианству было связано с концепцией развития Китая, предложенной Дэн Сяопином, вновь пришедшим к власти в 1978 году. Дэн Сяопин сделал упор на развитие сельского хозяйства, промышленности, государственной обороны и науки. Однако наряду с очевидными достижениями в процессе модернизации возникли проблемы в социальной и духовной сферах. Поэтому и возникла необходимость обращения к национальным духовным традициям, к конфуцианству.

В древнем Китае существовало изречение: «Процветание и гибель Поднебесной зависят от людей», то есть каждый человек должен был стремиться к истине, правде и справедливости. Поэтому ради достижения истины «благородный муж» готов пожертвовать своей жизнью. Одной из важнейших характеристик менталитета китайцев является дух единства и взаимопомощи, уважение к старшим, которые в современном мире актуализируются для урегулирования международных отношений. Многие китайские учёные придерживаются мнения о том, что нельзя противопоставлять традиционную культуру и модернизацию, так как в ней заложено самое главное – связь прошлого с настоящим и будущим.

Следует, однако, отметить, что на пике мирового кризиса социализма в 80–90-х годах прошлого столетия, когда многие страны оказались отброшены в своём развитии, Китай продолжал спокойно и уверенно наращивать экономический потенциал, модернизировать производство, реформировать некоторые стороны общественной жизни. Эта стабильность не стала результатом случайного стечения обстоятельств. На протяжении многовековой истории Китай оставался единым государством-цивилизацией с непрерывной историей. Успех Китая определялся тем, что конфуцианской идеологии удалось

выразить традиционные особенности менталитета китайской нации, подчеркнуть в нём те моменты, которые способствовали стабильному гармоничному развитию и личности, и государства.

Китайская культура уже много столетий назад сумела оценить опасность индивидуализма, колоссальный разрушительный потенциал бесконтрольного развития личностного начала. С точки зрения конфуцианства, современный человек является типичным «низким человеком», так как его поведение основано на принципах прагматизма и утилитаризма, преследовании личного материального интереса в ущерб общественной пользе. Вышесказанное приводит нас к мысли о том, что китайская культура, бережно сохранявшая традиции, была способна не только по достоинству оценить гениальность древних философов, но и использовать их идеи для практического улучшения жизни. Конфуцианская идеология позволила преодолеть важнейшие противоречия, которые несут угрозу стабильности общества.

Таким образом, идеология современного Китая стремится к идеалу конфуцианской «золотой середины», призванной свести воедино те идеи, которые на первый взгляд представляются несовместимыми. Идеал «золотой середины» ясно был сформулирован в документе 2003 г. «Постановление ЦК КПК по некоторым вопросам совершенствования структуры социалистической рыночной экономики», в которой ставится цель «…гармоничное развитие города и села, гармоничное развитие всех регионов, гармоничное развитие экономики и общества, гармоничное развитие человека и природы, гармоничное сочетание внутреннего развития страны и открытости внешнему миру» [1].

Как считают многие исследователи, стремительный экономический рывок стран Юго-Восточной Азии во многом определяется именно идеологией конфуцианства, которая принята не только в Китае, но и в Корее, Вьетнаме, Сингапуре, Тайване. Развитие с учётом культурных традиций, менталитета, истории и геополитического положения является законным правом каждой страны и важнейшим условием поддержания стабильности в мире. Конфуцианская модель как раз и является одной из наиболее убедительных альтернатив общественного развития, которая доказывает многообразие путей к прогрессу. Изучение этой модели и использование её опыта может иметь огромное значение и для многих постсоветских республик.

Говоря о специфике эволюции современного конфуцианства, российский исследователь А.В. Ломанов отмечает: «Однако реальный исторический вектор развития конфуцианской мысли нашего столетия именно таков – из классического конфуцианства рождается новое, синтетическое культурно-философское явление… Возможно

следующее обобщение: характерная черта постконфуцианства состоит в движении по направлению от классической традиции к её обновлению, переосмыслению и реинтерпретации путём синтеза с западной философией на всех уровнях – начиная с формы мысли и кончая существенной метафизической проблематикой» [2, с. 10–12].

Теперь в центре внимания современного конфуцианства – проблема «трансформации китайской традиции для включения её в дискурс западной философской традиции». Происходит полный переход от комментаторства к оригинальному философскому творчеству. Говоря о специфике современного конфуцианства, А.В. Ломанов отмечает, что это «идейное течение, направленное на консервативное переосмысление традиции в современных условиях... Сохранение традиции течением „современного неоконфуцианства“ в условиях глобального межкультурного взаимодействия неизбежно будет содержать в себе рефлексию этого взаимодействия и трактовку иной культуры; в свою очередь, постконфуцианство также ставит цель унаследования традиции» [2, с. 12, 13].

Основные характеристики современного конфуцианства можно представить следующим образом:

1. Стремление новыми средствами и в новых условиях возродить и переосмыслить национальную традицию, сделав её ценности жизнеспособными в условиях XXI века;

2. Установка на истолкование традиционной культуры в категориях западной философии для уяснения горизонтов её жизнеспособности и плодотворности в контексте вызовов современного мира. Подчёркивание как национального, так и универсального характера ценностей традиционной китайской культуры;

3. Выяснение специфики национальной традиции через её сопоставление с интеллектуальной и культурной традицией Запада и постепенный переход вначале к синтезу китайской и западной мысли при доминирующем значении первой, а затем и введение национальной традиции философствования в западную на правах равноправного участника современного философского процесса.

Для современных китайцев многие изречения Конфуция остаются хрестоматийными истинами. Например: «Учиться и ежечасно применять усвоенное – разве не радость!»; «Учение без размышления – бесполезно. Размышление без учения – опасно»; «Хочешь определять будущее – изучай прошлое». Культ учёности, генетически присущий китайцам, стал их важным преимуществом сейчас, когда перед страной встала задача перехода к инновационной экономике, к экономике знаний. Поднебесная уже сейчас ежегодно выпускает в четыре раза больше инженеров, чем США.

Возросший интерес общественности к Конфуцию не случаен. Он объясняется тем, что четвёртое-пятое поколение китайских руководителей сделало слово «гармонизация» ключевым в своём политическом лексиконе. Во внутренней политике пекинские лидеры считают приоритетной задачу сократить отставание села от города, глубинки от приморья. Во внешней политике они выступают за то, чтобы все государства научились гармонизировать свои интересы, то есть «не делать другим того, чего не пожелали бы себе». Акцент на слово «гармонизация» закономерно привёл к тому, что китайцы стали ещё чаще оглядываться на наследие Конфуция.

Повернув страну на путь реформ, Дэн Сяопин скорректировал два из трёх стратегических ориентиров, ранее сформулированных Мао Цзэдуном (марксизм-ленинизм, социалистический путь, руководство компартии). Взамен марксизма появился патриотизм. Вместо социалистического пути заговорили о социально ориентированной рыночной экономике. Незыблемой осталась лишь руководящая роль КПК. Так что в идеологической жизни страны всё заметнее становится сдвиг от Маркса к Конфуцию [3].

В то же время культ рационализма, высокой личной морали, дисциплины и постоянного самосовершенствования, активной соревновательности во всём, прежде всего в труде, вполне позволяет рассматривать конфуцианскую цивилизацию как восточный аналог протестантизма [4]. Однако в отличие от индивидуалистически ориентированного протестантизма, конфуцианству присуща тенденция к авторитарному патернализму и формированию вертикальных патронажно-клиентальных связей, которая находит своё предельное выражение в традиционном китайском государстве.

Именно традиционное государство с его необычайно развитым бюрократическим аппаратом долгое время выступало тормозом на пути модернизации страны. «Негативную роль в этом плане сыграл также характерный для конфуцианства синоцентризм, представление о Китае как об окружённом варварами „центре мировой цивилизации“. Активно сопротивлялась заимствованиям и сложившаяся более двух тысячелетий назад традиционная культура» [5, с. 88].

В целом Китаю пришлось пережить ту же исходную травму модернизации, что и исламскому миру. Модернизация оказалась реакцией на необъяснимую с точки зрения традиционного мировоззрения слабость страны и её отставание от Европы. Основным агентом модернизации стало государство. Отказавшись от попыток оградиться от чужеземного влияния, оно исподволь, по мере видоизменения традиции, нащупывало пути эффективной модернизации. После целого

ряда завершившихся провалом попыток (курс на «самоусиление», политика Гоминьдана, маоизм) Китаю в конце XX века всё же удалось найти способ успешного синтеза традиционных и западных институтов, притом не только в экономике, но и в политике (постепенная либерализация и «плюрализация» режима).

Логика взаимодействия Китая с Западом продолжает во многом определяться синоцентризмом. Вопреки часто высказываемым в последние годы опасениям, в обозримой перспективе Китай едва ли будет претендовать на глобальное лидерство, ибо он – не «осевое» общество в строгом смысле слова (хотя и институционально-имперское) [6, с. 179–187]. Ни одна из традиционных китайских религий (конфуцианство, даосизм) никогда не проявляла интереса к происходящему за пределами Китая. Китайское государство всегда было погружено в собственные проблемы, а военная экспансия и активная внешняя политика отвергались конфуцианской культурой. В настоящий момент главная задача китайского правительства – модернизация страны. При этом современный Китай не настроен на глобальную конфронтацию с Западом и идёт на конфликт с ним только в том случае, если затрагиваются сугубо «китайские дела» («независимость» Тайваня, критика за нарушение прав человека и т.п.).

Если говорить о населении, бюрократии и образованных слоях в целом, то в традиционном Китае отсутствовала почва для отчуждения между народными массами, бюрократией и образованной элитой. Система государственного управления представляла собой органическое продолжение семейно-клановых структур и патронажно-клиентальных сетей, пронизывавших общество, а конфуцианская система формирования госаппарата на основе экзаменов практически уравнивала понятия «бюрократии» и «образованной элиты». И хотя подобная гармония периодически нарушалась, так как в государственном аппарате со временем неизбежно возникали коррупция и непотизм [7], равновесие всегда восстанавливалось (обычно посредством воцарения новой династии).

Постепенное разрушение Цинской династии под натиском великих держав было воспринято населением, в первую очередь – крестьянским, как такое нарушение гармонии. Возникшие на развалинах империи политические режимы сочетали модерн с китайской традицией. Первоначально этот синтез принял форму националистически-патерналистского гоминьдановского режима, затем – тотального маоизма.

Сложившаяся в коммунистическом Китае система по целому ряду параметров близка к традиционной (конфуцианской). Большую

роль в государственном управлении по-прежнему играют клановые и патронажно-клиентальные сети. Оно сосредоточено в руках эффективной патерналистской бюрократии, комплектующейся на основе специфической идеологии КПК, пришедшей на место конфуцианства. При этом, как и прежде, для современного Китая не характерно долгосрочное противостояние масс населения, образованных слоёв и властной элиты. И хотя между двумя последними существует определённый разрыв, он постепенно нивелируется за счёт традиционного высокого социального престижа образования.

Несмотря на успехи последних тридцати лет, Китаю пока ещё не удалось полностью преодолеть противоречие по линии «традиционная культура – институты модерна», институциональной причиной которого является сильное государство с его вертикальными патронажно-клиентальными связями. Вместе с тем, благодаря специфике синоцентризма, противостояние Китая с Западом носит не глобальный, а локальный характер [5, с. 89].

Как было отмечено выше, ещё тридцать с лишним лет назад по инициативе Дэн Сяопина была развёрнута идеологическая кампания по изучению китайской философии. В центре её стояли установки «освободить сознание», «следовать реалистическому подходу», «практика – критерий истины», «переходя реку – нащупывай камни». Современная история убедительно демонстрирует нам огромную роль духовного начала в развитии человечества. Именно духовный фактор стал главным, системообразующим в структуре китайской цивилизации на всём протяжении её развития. Вполне логично, что интерес к проблемам китайской традиции сфокусировался в последние десятилетия на китайской классической философии, как «зеркале китайской цивилизации». В Китае, с момента появления цивилизации как совокупного духовного опыта общества, философия стала ключевым нормативным компонентом мыслительной и материальной деятельности человека и его отношений с государством, сыграв огромную роль в формировании всего китайского образа жизни: начиная от социальных институтов и кончая семейными отношениями.

Конфуцианские «восемь почитаемых и восемь презираемых» черт человека хорошо вписались в начавшиеся реформы конца 70-х – начала 80-х гг. XX века. К «почитаемым чертам» относятся: любовь к Родине, служение народу, трудолюбие, стремление к науке, взаимопомощь, честность, настойчивость, соблюдение закона. К «презираемым чертам» относятся: нанесение ущерба Родине, измена народу, невежество, лень, эгоизм, нечестность, жизнь в своё удовольствие, нарушение законов. Как мы видим, Конфуций верил в едва ли

не безграничные возможности человека и, отталкиваясь от этой веры, всегда стремился способствовать распространению знаний. Он считал, что при стремлении людей к образованию недопустимо проводить какую-либо дифференциацию. И не случайно то, что сегодня китайские университеты входят в число престижнейших образовательных центров в мире, а китайские учёные становятся лауреатами Нобелевской премии.

Отмечая заслуги китайских учёных в современных успехах мировой науки, следует вспомнить рассуждения Конфуция, где он говорит о поведении учёного человека, перечисляя семнадцать характерных проявлений, свойственных учёному: процесс самостановления учёного, внешний облик, коммуникабельность, его верность принципам даже перед лицом смерти, широта души учёного, умение поддерживать талантливых, независимость, почтительность и т.д. Ведь обладание учёной степенью было престижно, давало много преимуществ и ускоряло служебное продвижение в Китае на протяжении многих веков. Как видим, конфуцианская философия по праву стала основой успеха и всех достижений китайского народа, так как придала осмысленность и показала ориентир для прошлых и будущих поколений.

В современном Китае существует мощное влияние западного мировоззрения и технологий, но при этом, благодаря особенностям китайского менталитета, западное мировоззрение и технологии, сталкиваясь с традиционными китайскими, не вытесняют последние, а образуют в массовом сознании взаимосвязь различных достижений современной цивилизации. При этом классическое китайское мировоззрение сохраняется, так как китайцы, пропуская через себя западное знание, берут из него только то, что соответствует их духу и пониманию.

Всё это характерно для психологии обычного китайца, чья мировоззренческая основа формируется и существует посредством структуры языка, через представления о ценностях, через метафорический строй и поговорки. Не случайно китайский мыслитель и политик Чжан Чжидун (1837–1909) любил повторять: «*Китайские знания – сущность, западные знания – инструмент*». Думать по-китайски – это значит думать метафорами, типовыми ситуациями, которые находятся в сознании в форме пословиц, поговорок, устойчивых словообразований и в большинстве своём восходят к историческому опыту.

При этом менталитет обычного китайца проявляется в том, что он нетороплив в суждениях, выводах, старается контролировать своё мышление и не искать прямых путей, в нём сильно развито

чувство долга. Он уделяет больше внимания разуму, а не чувствам. Никакой экономический рост в третьей по территории стране мира, сопоставимой с целым континентом, не был бы возможен без действия особых сил, далеко выходящих за пределы экономики. Речь идёт о колоссальном культурно-историческом потенциале Китая, аналогом которого не располагает ни одна страна в современном мире. Только такой беспрецедентный по длительности накопления и разнообразию форм духовный опыт смог стать производительной силой и превратиться в социальную материю.

Литература

1. *Нин Ф.* Три направления общественной мысли, оказавших влияние на современный Китай // Главная тема. 2005. № 6. URL: http://gt-msk.ru/talk/341-0

2. *Ломанов А.В.* Современное конфуцианство: философия Фэн Юланя. М., 1996.

3. *Овчинников В.* От Маркса к Конфуцию: что показал 17-й съезд Компартии Китая // URL: http://www.rg.ru/2007/10/25/kitay-luna.html

4. *Васильев Л.С.* История Востока. Т. 2. М., 1994.

5. *Казанцев А.А.* Интеллигенция и структурные инновации в политическом пространстве: опыт сравнительного анализа // Полис. 2007. № 1.

6. *Эйзенштадт Ш.* Революции и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

7. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001.